

УЧЕНИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ*

Пресвященнейший
ИОАНН (Хома),
епископ Борисовский

Московская Духовная Семинария—1989, Московская Духовная Академия—1993, кандидат богословия—1995, доцент—2001.

Ваше Высокопреосвященство, досточтимый Владыка Экзарх, Ваше Пресвященство, многоуважаемые Владыки, Ваше Высокопреподобие, Ваше Преподобие, дорогие отцы, братья и сестры, уважаемые дамы и господа, все высокое собрание!

Таинство Евхаристии установлено Спасителем на Его последней Вечере с учениками при произнесении Им слов: «примите ядите Сие есть Тело Мое...», «...пийте от Нея вси сия есть Кровь Моя...», «...сие творите в Мое воспоминание...».

Но еще задолго до этой таинственной трапезы Спаситель раскрыл апостолам мистический смысл причащения Его Тела и Крови—Господь Иисус Христос произнес в Капернаумской синагоге Свою проповедь о Хлебе Жизни. В этом учении Христа важны две главные мысли: 1) Евхаристия воскрешает вкушаемых от нее и 2) Евхаристия есть соборное единство всех ее причастников, членов таинственного Тела Христова.

Святой Кирилл Александрийский, толкуя VI-ю главу Евангелия от Иоанна, пишет: «Поскольку Животворящее Слово Божие вселилось в плоти, Оно преобразовало Его (то есть тело) в собственное качество, то есть жизнь, и, всецело соединившись с ним неизреченным образом единения, сделало его животворным, каково и Само Оно есть по природе. Поэтому тело Христа животворит тех, которые становятся причастниками Его, так как оно изгоняет смерть, когда является между умирающими и удаляет тление, нося в себе Слово, совершенно уничтожающее тление».

*Речь на годовом Акте Минской Духовной Семинарии 12 февраля 2000 года.

А святой Иоанн Златоуст учит: «В Ветхом Завете было обещание долговечности и многолетия, но теперь обещается не просто долговечность, но жизнь, конца не имеющая».

Таким образом. Евхаристия есть единственная существенная связь наша с умершими. Причащаясь Тела и Крови Христовой, мы входим в теснейшее общение и с усопшими причастниками их.

Капернаумская беседа раскрывает и еклезиастический смысл Евхаристии. Спаситель говорит: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем» (Ин. 6, 56). Каждый, причащаясь тайн Господних, становится членом Его таинственного Тела, то есть Церкви. Евхаристия есть Тело Христово, и Церковь, по апостолу Павлу, также есть соборное Тело Христово (Ефес. 4, 15-16). Другими словами, природа Церкви евхаристична. Евхаристии нет вне Церкви, ибо нет тела вне Тела; и Церковь не может быть без Евхаристии. Нельзя поэтому быть членом Церкви, но не причащаться Того, Что есть Тело Христово или Сама Церковь.

Можно говорить, что Божественная литургия есть таинство по преимуществу, в каком-то смысле единственное таинство. Отцы его называли «таинством таинств». Оно есть повторение великого таинства благодетия, — воплощения и вочеловечения Логоса. Бог явился во плоти, Бог стал человеком. Богочеловек, а не Богоангел. Он пришел спасти род человеческий, но и почитать естество человеческое; приняв человеческое тело, поднять его на высоту небесного Престола, превыше ангельских чиновачалий. Естество человека по самому о нем божественному замыслу столь велико, столь замечательно, столь ко многому предназначено от вечности, что можно говорить о божественном происхождении человека. Человек есть сотворенный Бог, так учил святой Григорий Богослов. «Бог воплотился и стал человеком, чтобы почитать плоть, и именно смертную плоть,

чтобы высокомерные духи не смели считать и о себе думать, что они могут обожиться вследствие своей бесплотности и кажущегося бессмертия», — так учит св. Григорий Палама. Самое замечательное и утешительное, что развила святоотеческая мысль о человеке, это учение об обожении его. С одной, стороны основываясь на словах апостола Петра (2 Пет. 1,4) о том, что нам дано стать «причастниками Божеского естества», а с другой стороны, развивая учение неоплатонической философии о том, что душа «становится, или вернее, есть Бог» и о том, что задача нашей жизни «не столько быть безгрешным, сколь обожиться», святоотеческая антропология постоянно учила об этом «феозисе», обожении, максимальном приближении к Богу. Это не только нравственный кафарсис, это не только оправдание от грехов, это не только интеллектуальное приближение к Богу, это реальное, конкретное обожение нашей природы. А это возможно только благодаря причащению этой природы обоженному Телу Христову, благодаря евхаристической жизни. Жить евхаристически, значит не только ходить к обедне, слушать те или иные трогательные или красивые песнопения, а причащаться. Участвовать в сегодняшней Тайной Вечери. Причащаться не раз в год или еще реже, а как можно чаще, много раз в году, если можно постоянно, чтобы быть в постоянной, неразрывной связи с таинственным Телом Христовым, с Церковью, чтобы воцерковиться и не выходить, не выпадать из этой тесной связи с нею. Причащаться с полным сознанием и дерзновенным желанием именно этого обожения нашего естества. Причащаться, дабы стать единою плотью с Христом, как учили святые отцы древности, чтобы, по учению апостола Павла, быть усыновленными Богу, стать сынами Божиими в единении с Сыном Его, обоженную плоть Коего мы вкушаем в евхаристическом причащении.

Евхаристия есть жертва. Жертва «о всех и за вся». Она является осуществлени-

ем того, что Господь повелел творить в Его воспоминание. Она есть повторение Голгофского жертвоприношения. Как таковое она есть воспоминание и потому она выше и совершеннее всех ветхозаветных жертв, которые были только слабой тенью, прообразами имеющей явиться настоящей Жертвы Сына Человеческого. Эта жертва превышает наше разумение, как и все в религиозной, духовной сфере не может быть втиснуто в рамки принудительной рациональной логики. Она, как и все в богословии, исполнена антиномией и апофатических положений. Она вневременна и в своей вневременности охватывает в одном моменте и прошлое и настоящее и будущее. Мы в ней «воспоминаем» и творение мира, и искупление человечества Сыном Божиим, и Его Крест и воскресение, Его вознесение и имеющее еще быть второе и страшное пришествие. Она универсальна и охватывает весь мир и соединяет в одном жертвоприношении Единого Тела все разрозненные части вселенной. В ней Жертва является и Первосвященником, Он и Приносый и Приносимый. Это есть жертва нашей благодарности Богу, нашей евхаристичности за все благодеяния, явленные Им роду человеческому и неявленные, благодеяния нам известные и неизвестные. В словах «благодарим Господа» должно быть сосредоточено все напряжение благодарности всего молитвенного собрания. В эту минуту все должны осознать всю свою евхаристичность, то есть благодарность Богу.

Божественная литургия есть и великое символическое действие. Писатели Церкви (святой Максим Исповедник, Ареопажитики, Николай Кавасила) неоднократно называли литургию не только таинством, но и тайноводством, мистагогией. Она не только причащает нас к благодатной жизни, не только является нашим жертвоприношением Богу, она кроме того и научает нас богословия, открывает нам сокровенное. Это своего рода откровение, апокалип-

сис, не открытый до конца, но открываемый сердцу верующего постольку, поскольку оно само ему открыто. Открываемое, скажем, словами Ареопажитиков, «по аналогии», по соответствию, по созвучности нашей. Действия и песнопения литургии освящают нас, как учит Кавасила, двояким образом. Прежде всего сами молитвы приближают нас к Богу, поскольку молитва есть способ нашего единения с Богом, приобщения Ему нашего ума, сердца, души, воли. Но эти же молитвы, песнопения и священные действия являются и символическим отображением иной, небесной реальности, до конца никогда нам не раскрытой. В евхаристическом последовании совершается представление всей икономии нашего спасения, всего промыслительного домостроительства. В проскомидии мы уже присутствуем при предвечном, довременном заклании Агнца, при рождении Слова Божия во времени в вифлеемских яслях; потом совершается Его выход на проповедь, Его домостроительное искупление, Его страдание, Его вечера, Его смерть, воскресение, вознесение на небо. Действия священника, песнопения с клироса, одежды священника и богослужбная утварь,—все это символически прообразует что-либо из жизни Спасителя или Его о нас промышления. Верующий, присутствующий при литургии, умно приобщается всему этому символическому представлению. Перед его взором открывается, однако, еще и иное откровение, а именно небесной литургии, вечной евхаристической жертвы, начавшейся в недрах Святой Троицы от вечности, и продолжающейся всегда, ныне и присно и во веки веков. Той небесной литургии, где над от вечности закланным Агнцем, от вечности совершающейся жертвой божественной любви, безмолвно склонившись, ужасаются Херувимы и Серафимы, закрывая свои лица и в священном трепете поющие, вопиющие, взывающие и глаголющие «свят, свят, свят Господь Саваоф». И эта наша земная литургия, в которой истинно, реально приносится самое

пречистое Тело и самая честная Кровь Христовы, есть отображение той вечной небесной литургии, которая постоянно вне времени и вне места совершается там на Престоле Горней Славы. Это должен созерцать верующий взор христианина, этому должен он умно причащаться, перед этим безмолвствовать.

Вот это стремление к своему обожению, то есть причастию божеского естества, это стремление напряженно участвовать в принесении вечной и непрестающей Жертвы Божественного Агнца, это стремление созерцать не только благолепное служение священнослужителей в рукотворенном и благолепном храме, но и ангельское служение окрест Престола Божия и должны охватывать мысль и сердце верующего, который идет к литургии. Он должен сознательно принимать участие в этом страшном служении, участвовать, если и не всегда причащением от Евхаристической Чаши, то умно, духовно, молитвенно участвовать в евхаристическом служении. Для этого восприятия литургии надо, конечно, прежде всего ее понимать и осознать, надо в ней разумно участвовать.

Божественная литургия, как и всякое церковное таинство, имеет свое обоснование в Священном Писании. Таинство Тела и Крови установлено Самим Господом. По Его заповеди апостолы и их преемники продолжали совершать то же таинство и передали это последующим поколениям как воспоминание о Господе, о Его земной жизни, искуплении, Тайной вечери, страдании и смерти, воскресении и вознесении на небо.

Святая Церковь знает немало небожителей — святителей и пастырей, которые, совершая Таинство Евхаристии, жили им, и живя здесь, на земле, с благоговением совершали это Таинство. Среди таких пастырь Церкви Божией, великий труженик на ниве Христовой святой праведный Иоанн Кронштадтский.

В 1999 году исполнилось 170 лет со дня его рождения, 90 лет со дня его блаженной кончины, а в текущем 2000 году исполняется 10 лет со дня его канонизации. Святая Церковь чтит его как верного последователя и исполнителя Христова учения, которое, по словам Самого Спасителя, вчера, сегодня и во веки веков тот же.

«Чудная, величественная, божественная на земле служба литургия»¹, — это самые короткие слова восхищения, сказанные отцом Иоанном Кронштадтским о Божественной литургии. Их много — больших, значительных, чудных изречений о том, что очень любил святой угодник Божий. Если внимательно всмотреться в историю нашей Святой Церкви, то среди сонма величайших ее подвижников, учителей, святых мы вряд ли найдем такого восторженного совершителя, любителя, поклонника и восхвалителя Божественной литургии, каким был святой праведный Иоанн Кронштадтский, кроме, разумеется, великого учителя и святителя Иоанна Златоустого. Однако, как замечает архиепископ Вениамин, «кажется, и этот великий учитель Церкви едва ли восторгался литургией, говорил о ней, влек к ней собственным восхищением и словом более, чем блаженный о. Иоанн»².

Кронштадтский пастырь совершал Божественную литургию ежедневно и часть своих дневных переживаний запечатлевал в своем дневнике «Моя жизнь во Христе». Особенно ценны эти высказывания тем, что они являют собой не надуманные советы, не отвлеченные размышления, а пережитое, взятое из собственного опыта, из его «жизни во Христе». В литургии отец Иоанн видит последовательное воспоминание всей жизни Спасителя.

«Литургия есть сокращение всего Евангелия, изображение земной жизни Иисуса Христа, повторение Его Голгофской Жертвы, всегдашнее заклание, смерть Его за грехи мира, воспоминание Его Воскресения и вознесения на небо»³.

Все «богослужение нашей Православной Церкви,— пишет отец Иоанн,— имеет целью изобразить... все течение домостроительства нашего спасения от начало мира и до скончания века... Так, вечерня изображает благодать, премудрость и всемогущество Божие в сотворении мира и человека, блаженство человека, падение человека, обещание Божие об искуплении его через воплощение Сына Божия, приготовление через пророчества и преобразование к принятию Искупителя. Утреннее богослужение изображает чудеса домостроительства Божия в Ветхом Завете от Моисея до пришествия Искупителя и чудеса новозаветного домостроительства во святых Божиих.

Наконец, литургия ставит Владыку Нового Завета во всем свете, изображая Его человеколюбие, истину, правду, верность Своему обещанию, наконец, всю Его жизнь от пелен до гроба. Она есть солнце в полном сиянии».

У него слово и настроение никогда не расходилось с делом и жизнью. Как понимал он литургию, как учил о ней, так и совершал ее,—а совершал он ее необыкновенно, вживаясь в каждое слово возгласов и молитв, отдаваясь весь безраздельно не только воспоминаниям о Господе, Который на литургии «и Приносящий и Приносимый, и жертва и архиерей»,—но и живому богообщению. С первых дней своего священства отец Иоанн стремился совершать Божественную литургию как можно чаще и достиг того, что в последние 35 лет своего священнослужения он совершал ее ежедневно. Это ежедневное служение и причащение было для него актом постоянной благодарности Богу Искупителю. «Совершая литургию, отец Иоанн словно видел тот Крест, с живым страдающим Богом, к пронзенному ребру Которого ангел сам подносит чашу с престола, наполняя ее целительной кровью, видит сам ту Преславную Царицу небес, Которой произносит трепетно слова: «Изрядно о Пресвятей, Пречис-

тей, Преподобной, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии»⁴. Говоря о Божественной литургии, отец Иоанн различал две основные ее стороны. Это жертва благодарственная, хвалебная и жертва умилолюбивая, искупительная. Но эти понятия у отца Иоанна сливаются воедино. У него литургия—это благодарение за искупление, хвалебная жертва за умилолюбивую жертву искупления. «Таинство искупления,—таинство достоимейшее, приснопамятное, таинство благодати бесконечной, снисхождения безмерного, премудрости неисчетной, могущества необъятного. Вот какое таинство вспоминается на литургии! Мало того—оно как бы повторяется каждый день, потому что совершается ежедневно великое, спасительное, пренебесное и страшное таинство пречистого Тела и Крови Господней»⁵. Здесь он видит в литургии повторяющуюся искупительную жертву. Но, вместе с тем, он смотрит на нее и как на благодарственную, хвалебную жертву. «Величие, святость, животворность, безмерная обширность страшной жертвы Христовой открывается уже... на проскомидии, на которой готовится вещество таинства Евхаристии—хлеб и вино, или Агнец Божий, присно закалающийся за грехи всего мира и в благодарственную жертву за всех святых,— в честь коих изымаются частицы из просфор и о них, то есть в благодарность Богу за них, как искупленных уже от земли и совершенных крестной жертвой Христовой и радующихся в Церкви Небесной торжествующей. Чудная жертва! Истинно Божественная жертва!»⁶.

Отец Иоанн не только ясно сознавал, но чувствовал, опытом личной жизни переживал величайшее значение для своей жизни и деятельности великого таинства Евхаристии. Он говорил и писал, что свою бодрость, свою неутомимую энергию, свою положительно непосильную обыкновенному человеку деятельность, оставившую для его сна и покоя не более четырех часов в сутки, он

объясняет тем, что ежедневно, по милости Божией, он совершает великое таинство и причащается святых Тайн. Все проповеднические труды и дневники отца Иоанна, чтение которых переносят каждого к апостольским временам, раскрывая внутреннюю работу души и сердца этого выдающегося пастыря нашей Церкви, его жизнь во Христе ярко свидетельствуют о значении и величии таинства Евхаристии, его глубокую веру в реальность присутствия Иисуса Христа в этом таинстве и Его беспредельное влияние на жизнь человека и всего мира.

Для отца Иоанна «литургия—все на свете»⁷, поэтому по его учению таинство Евхаристии является альфой и омегой не только спасения отдельного человека, «благопоспешения живым, оставления грехов и упокоения со святыми, всем в вере, покаянии и уповании вечной жизни преставляемым», но и благополучного существования всего мира.⁸ Отец Иоанн видел в Евхаристии божественную философию. Его учение—это в первую очередь глубокое проникновенное православное учение о Евхаристии. В каждом его слове, проповеди, его знаменитых дневниках—езде он все христианство сводит к «одному знаменателю»⁹—Евхаристии, причем Евхаристию он считал «пробным оселком для многих христиан, на котором испытывается вера или неверие христиан»¹⁰.

В своих многочисленных литературных трудах отец Иоанн дает нам много ценных указаний, необходимых для понимания и усвоения таинства Евхаристии, раскрывает субъективные переживания христианина-пастыря, участвующего в евхаристии, и указывает на результат ее влияния. Будучи великим, живым столпом, соединяющим небо с землей, раскрывая догмат о Евхаристии, отец Иоанн прежде всего останавливается на Евхаристии, как на средстве спасения падшего человека, обольщенного дьяволом и нарушившего заповедь Божию, он

смотрит на Евхаристию, как на «врачующую подобное подобным»¹¹.

«Господь, как премудрый врач,—пишет отец Иоанн,—врачуя подобное подобным. Сам благоволил уподобиться человеку и вместо запрещенного плода, принесшего ему и всему потомству смерть, дал ему и повелел ему (человеку) вкушать Самое Пречистое Тело Свое, за нас пострадавшее, и Пречистую Кровь Свою, за нас, в искупление нас от грехов, проклятия и смерти, пролиянную на кресте для примирения нашего с Богом; и как через вкушение запрещенного плода в человека вселился дьявол, так через вкушение Пречистого Тела и Крови Христа вселяется в Человека Христос Бог с Отцем и Духом святым, очищая грехи человеческие, освящая его и даруя ему действительное и блаженнейшее обожение и бессмертие»¹².

По учению отца Иоанна, «совершение Животворящих Тайн есть неизменное соизволение Животворящей Троицы от сложения мира предопределенное, не быть оно не может»¹³.

Эту необходимость Евхаристии, как «неизменного соизволения Животворящей Троицы от сложения мира определенного», отец Иоанн обосновывает рядом аргументов.

Евхаристия необходима, во-первых, потому, что «без Крови нет очищения и освящения; Господь излил на Кресте Кровь Свою в очищение и освящение мира», а таинство Евхаристии—«это образ Пречистой Божественной Крови Христа Нового Завета, без которой не может не быть очищения грехов»;¹⁴ во-вторых, потому, что Господь, «чтобы явить общительность Свою не только современным явлению Богочеловека в мире людям, но людям «всех веков»,—дал всеблагий, премудрый, прерадостный завет Церкви Своей в Его воспоминание и в теснейшее сообщение с Ним, до скончания века совершать всеспасительное и самонужнейшее таинство—

совершения таинства Тела и Крови Его и причащения верующих»¹⁵, и, в-третьих, потому что «без таинства Тела и Крови, без литургии могло бы забыться величайшее дело любви, премудрости, всемогущества Спасителя нашего, могли бы утратиться плоды Его страданий»¹⁶.

Через таинство Евхаристии «Господь наш привил нас к Себе, как дикую ветвь, — к Себе, виноградной Лозе, питает нас Плотью и Кровью Своей, как ветви виноградной лозы питаются ее соками»¹⁷.

С самого установления таинства Евхаристии Иисусом Христом «громогласно, во всеуслышание, во всем мире совершается это всемирное таинство»¹⁸ и «Кровь Христова не только проливалась, но и проливается за нас во время литургии до конца мира»¹⁹.

Эта кровь Христа «как противоядие греху служит средством примирения с Отцом небесным, источником бессмертия, обожения и силы против греха и смерти залогом бессмертия»²⁰.

Как пастырь, отец Иоанн, говоря о Евхаристии, различает две ее стороны: видимую — вещество для таинства и совершителя таинства и — невидимую, таинственную сторону, которая заключается в пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Господа.

Видимая сторона таинства состоит из вещества для самого таинства — «пшеничного хлеба»²¹ и «виноградного вина»²². Отец Иоанн объясняет, что под видом хлеба и вина Господь преподает нам Себя «потому же, почему Он явился человеком плотски, с душой человеческой, то есть потому, что иначе человек не может соединиться с Ним, как при посредстве Его видимой и осязаемой природы — пречистого Тела и Крови, претворяемых по существу и самой истине из хлеба и вина. В этом заключается величайшая благодать и премудрость Божия,

действующая силой Божества нашего сладчайшего Господа»²³, Который «знает немощь нашу, слабость веры и потому благоизволил употребить для таинства Своего Тела и Крови самые подходящие к ним вещества»²⁴.

По учению отца Иоанна, «Сам Агнец в виде части хлеба зрится и предлагается, и искупленные Кровью Его люди на проскомидии воспоминаются под образом частей хлеба, изъятых из просфоры, чем показывается единство человеческого естества с Божественным, неслитно соединенного в Иисусе Христе и в нас, Его причастниках»²⁵.

Говоря о Евхаристии, отец Иоанн обращает внимание на то, что в Православной Церкви христиане должны причащаться под видом хлеба и вина — Тела и Крови Христовой.

«Непременно и Крови Христовой под особым видом вина, как установил Господь, а не без Крови»²⁶, ибо «Кровь в таинстве Причащения необходима для клира и мирян»²⁷.

Отец Иоанн касается в своих трудах и нравственных качеств совершителя таинства. Таинство Евхаристии бывает действительно только тогда, когда оно совершается «православным священником, имеющим законное рукоположение и от Бога данную власть»²⁸. Отец Иоанн учит о высоте священника, как посредника между Богом и человеком; он является «ходатаем за всю Церковь, за весь мир... На него (совершителя Евхаристии) Ангелы взирают с благоговением и некоторой ревностью, созерцая такое снисхождение к нам Божие».

Кронштадтский пастырь напоминает и о святости и чистоте священника. «Сколь должны быть святы и блаженны лица, совершающие это пренебесное таинство и часто причащающиеся его, делающие блаженными и радостными такое множество народа причащающегося»²⁹. Более глубоко отец

Иоанн раскрывает в своих трудах вторую сторону таинства — невидимую, — пресуществления хлеба и вина в Плоть и Кровь Христовы, осознавая, однако, что «постигнуть все величие благодеяния, подаваемого нам Господом в таинстве Причащения, вполне никто не может... ибо благодеяние это беспредельно и необъятно, как и сам Бог»³⁰.

Следуя учению Православной Церкви, отец Иоанн учит о мгновении пресуществления по слову Всемогущего Бога.

«Как Он одним мановением Своим творит из четырех стихий, что хочет, так и из пшеничного хлеба и вина виноградного Он творит Плоть и Кровь Свою, все Тело Свое, в Которое вселяется весь Бог и Человек и преподается верующим в тайне Причащения»³¹.

Замечательное сравнение находим в трудах отца Иоанна по поводу пресуществления.

«Какой ваятель, деля изваяние для других, не в состоянии сделать его для себя? Себе ли Бог не сотворит плоти из хлеба и вина, которые так близки к нашей плоти, будучи употребляемы в пищу и питье и превращаемы в нашу плоть и кровь?» — пишет духовный писатель³².

Отец Иоанн указывает на момент пресуществления. «Преложив Духом Твоим Святым», — после этих слов и благословения крестообразно рукой во мгновение ока хлеб и вино предлагаются в Тело и Кровь Христовы, но не прежде, ибо Божественное всемогущество ожидает содействующего Ему слова священника: «Богу бо есть споспешник» (1 Кор. 3,9)³³.

«В эти страшные, великие минуты храм делается небом, и Ангелы Божий присутствуют при совершении величайшей тайны милосердия и любви к людям, при совершении высочайшего таинства Тела и Крови Христовых — претворения хле-

ба и вина в истинные Тело, Кровь Христовы»³⁴.

Излагая свое учение о пресуществлении, отец Иоанн говорит и о том, что в хлебе и вине воплощается Сын Божий не вновь, потому что Он однажды воплотился — и этого довольно на все бесконечные веки, — но воплощается тем самым Телом, которое прежде воплотилось³⁵.

В своих трудах отец Иоанн сравнивает причастников с современниками и последователями Христа, что говорит о том, как переживалось им таинство Евхаристии.

«Какое счастье, какое блаженство было видеть Самого Царя Небесного! Вы завидуете этим счастливым людям, которые жили во время пребывания Иисуса Христа на земле. Не завидуйте! Он и ныне с нами неотлучно Своим Божеством, Своей благодатью. Своими животворящими тайнами, Божественным Своим Телом и Пречистой Кровью; мы нисколько не обижены в этом отношении сравнительно с современниками Иисуса Христа, ничего не лишены, даже получили больше их, потому что они не имели блаженства вкушать животворящие Его Тело и Кровь, а мы вкушаем их»³⁶.

Отец Иоанн говорит, что христиане, живущие после Христа и не видевшие Его, счастливее тех, кто видел Его, ходил за Ним и даже прикасался к Нему. «Мы счастливее Марфы и Марии (сестер Лазаря — И.Х.), так как принимаем Господа в свой дом, а некоторые и каждый день тесно соединяются с Ним духовно и телесно»,³⁷ мы счастливее старца Симеона (Лк. 2,29), ибо «праведный старец, можно сказать, заключал в объятиях своих Жизнодавца Иисуса в предзнаменование того, как верующие во Христа в последствии времени, во вся дни до скончания века будут поднимать и носить Его не на руках только, а в самом сердце своем»³⁸.

Мы «встречаем Господа ежедневно во время литургии, когда в конце ее появляются в открытых царских вратах Святые Тайны Тела и Крови Христовой, и хор поет: «Благословен Грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам»³⁹.

Так отец Иоанн свидетельствует о присутствии истинного тела и истинной Крови Христовой в таинстве Евхаристии.

Как видим, говоря о Евхаристии, он, как никто другой, переживал моменты богообщения в этом таинстве. Вот как он пишет об этом:

«Совершая ежедневно страшные и животворящие Тайны Тела и Крови Христовых, за нас и за весь мир страдальчески принесенных в жертву Богу и Отцу Своему,—я поражаюсь величию Божией к нам благости», а «видя перед собой сердечными очами Бога во плоти»⁴⁰, я «держал иногда поочередно в руках святой дискос с Агнцем и чашу с Пречистой Кровью, как блудница держалась за ноги Господа Иисуса Христа»⁴¹, и «исполнялся дерзновения молить Его о всем мире и святой Церкви»⁴².

Размышляя о высоте, величии и безмерности Евхаристии, отец Иоанн говорит и о большом значении ее для христиан, как в этой жизни, так и в иной. «Мы действительно бываем уже святыми и в этой жизни, хотя ненадолго, тогда, когда достойно причащаемся святых, пречистых и животворящих Тайн Христовых; тогда мы несомненно бываем святыми святостью Христовой, и душа наша паче снега убеляется Кровью Христовой»⁴³.

Благодаря Святому таинству Евхаристии, «приближается Царство небесное, сошло с высоты небесной, ибо Христос и в устах и в сердце нашем»⁴⁴, и мы начинаем уже сидеть на престоле Спасителя, бесконечным самым делом в святом Причащении. «Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь, во Мне пребывает и Я в нем» (Ин. 6, 5 б)⁴⁵.

Отец Иоанн говорит, что Господь через Евхаристию дает нам «залог бессмертия». Таинство Причащения—это таинство возрождения и бессмертия»⁴⁶.

Кронштадтский пастырь, совершая таинство евхаристии, ощущал и переживал эту истину бессмертия. «Истина бессмертия души человеческой так ясна и очевидна для нас, христиан, как солнце. Мы вкушаем Тело и Кровь Христову и через это носим в себе еще здесь явные начатки своего бессмертия, а когда разлучится душа того человека с телом, тогда и начнем жить этой вечной жизнью, сокрытой в ней и внесенной в нее Животворящими Тайнами. Такой несомненный залог бессмертия носит в душе своей христианин»⁴⁷.

Служа залогом бессмертия. Евхаристия, по учению отца Иоанна, дает верующим и достойно принимающим святые Дары такую же силу исцеления, какую Христос имел при жизни. «Я видел много больных, истаявших как воск от болезни, совершенно расслабевших, сам причащал их Божественных Тайн и они дивным образом быстро поправлялись»⁴⁸.

Плоды Евхаристии, по учению отца Иоанна, простираются не только на каждого человека, достойно причащающегося, но и на весь мир, разрушая царство зла. «Диавольские дела или грехи человеков непрестанно разрушаются через ежедневное приношение в христианских храмах бескровной жертвы—Пречистого Тела и Крови Христовых»⁴⁹.

В учении о евхаристии отец Иоанн говорит «о духовной алчбе и жажде» святого Причащения христианином и о необходимости тщательного приготовления к достойному Причащению Святых Тайн. Это «детская простосердечная вера в то, что он принимает под видом хлеба и вина самое пречистое Тело и самую пречистую Кровь Спасителя, совершенное, непоколебимое упование на милосердие Спасителя, что Он как бо-

жественным огнем попалит и очистит Своей Кровью все грехи принимающего, великая, горячая, ангельская любовь причастников к Спасителю, изменение сердечное, изменение к лучшему: внимание к себе и обуздание греховных пожеланий и стремлений»⁵⁰, «покаяние глубокое, разрешение грехов духовной властью и причащение Тела и Крови Христовой—непременно и Крови под особым видом вина, как установил Господь, а не без Крови,—должен получить разрешение грехов от православного священника, а не от паписта или лютеранина,—не дающих Крови Христовой»⁵¹.

Отец Иоанн учит и о том, как должен себя вести христианин после Причастия: «Помни постоянно. Кто в тебе и в Нем ты должен быть»⁵². А также предупреждает о последствиях недостойного Причастия и непринятия Христовых Тайн вообще: «...недостойных, неверных, лукавых, неисправных попалает и посрамляет Бог»⁵³,—пишет Кронштадтский пастырь. «Совсем не причащаться,—продолжает он же,—весьма губительно для души, ибо она начинает смердеть страстями»⁵⁴.

Благодаря тесному общению верующих со Христом в таинстве Евхаристии, они «чувствуют большее, духовное сродство друг с другом, как члены единого тела Христова, как уды Христовы, ибо «един хлеб» таинства, «едино тело есмы мнози: вси бо от единого хлеба причащаемся» (1 Кор. 10.17)»⁵⁵. Это таинство «соединяет всех в один союз братства, совокупляет в один союз небо и землю—Ангелов и человеков»⁵⁶, так что и «при совершении литургии весь род христианский и православный приводится к единому знаменателю, то есть к единому Телу Христову (Церковь есть Тело Христово) и к единой Главе Христу»⁵⁷.

Наряду с этим, Евхаристия, по учению отца Иоанна, является лучшим доказательством вездесущия Божия.

«С верой несомненной причащаясь животворящих Тайн,—говорит отец Иоанн,—я осязательным образом поучаюсь вездесущию Христову... в каждой частице Тела и в каждой капле Крови я принимаю всецелого Христа и, таким образом, вижу сердечными очами, что Он в одно и то же время во всех частицах и каплях, сколько бы их ни было, до бесконечности»⁵⁸.

В учении о Евхаристии отец Иоанн говорит, что таинство Причастия—это благо истинной жизни и, «если бы мир не имел Пречистого Тела и Крови Господа, он не имел бы главного блага, блага истинной жизни («живота не имате в себе» (Ин. 6,53)), имел бы лишь призрак жизни,—не имел бы дара освящения, словом,—совокупности всех истинных, нетленных благ»⁵⁹.

Евхаристия, по учению отца Иоанна,—это тот животворный «квас, который женщина», то есть Церковь, «взяла и положила в три меры муки, доколе не вскисло все (Мф. 13,33)». Да, «это истинная закваска духовной, небесной, святой жизни, положенная в человечество, ибо человеческая душа тройственная, по трем ее силам: разуму, сердцу, воле; правда, святыня, любовь должны проникнуть все эти силы, вообще всю жизнь человека, помышления, слова и дела»⁶⁰.

Таким образом, согласно учению отца Иоанна, «бездна милости и щедрот открылась и открывается в ежедневном приношении на жертвенниках православных христианских храмов всеодухотворенной, всеумилостивительной, всеочистительной, всеобновительной, всеобожительной, животворящей, страшной, безмерно великой жертвы Тела и Крови Христовой, приносимой по воле Божией и завету Господа Иисуса Христа—во спасение всего мира. Все грехи верных, истинно молящихся и причащающихся животворящих Тайн, очищаются всякий раз по причащении, все узы душевные разрушаются, скор-

би потребляются—все прошения, благоприятные Богу, исполняются, прошение всей Церкви—о всех состояниях и сословиях, о пастырях и пасомых. Мир стоит, крепится, не колеблется ради этой жертвы, грады стоят и не разрушаются и пребывают в благоденствии и благопоспешении, семейства утверждаются, козни и мечтания еретиков и раскольников бывают бездейственны, общее благочестие утверждается, только бы пастыри искренно совершали это величайшее таинство»⁶¹.

Резюмируя все высказанное отцом Иоанном о Евхаристии, можно сказать, что у праведного пастыря понятие о ней неразрывно с понятием о Церкви. Благодаря именно Евхаристии, которая соединяет верующих в одно Тело Христово, Церковь становится Телом Христовым, и без Евхаристии не было бы и Церкви. «Мир не имел бы главного блага, блага истинной жизни, имел бы лишь призрак жизни, не имел бы дара освящения, словом,—совокупности всех истинных, нетленных благ»⁶².

Учение отца Иоанна показывает, какое великое значение имеет Евхаристия в деле усвоения плодов искупления Господа нашего Иисуса Христа. В Евхаристии происходит реальное единение человека с Богом, через Христа «Евхаристия образует и поддерживает Церковь».

«Окончательное объединение верующих в цельный организм святости и любви друг ко другу о Боге (Церковь) осуществляется только в Евхаристии—нравственно-живым воспоминанием с любовью о центральном событии дела Христа, —Кресте и Распятом на Нем,—о любви Божией; реально—усвоением полноты благ искупления и воплощения Сына Божия через соединение с Ним, причастием единой Божественной жизни и Божественного естества»⁶³.

«Отец Иоанн,—пишет архиепископ Вениамин,—ярко оттеняет и подчеркивает, что в таинстве Евхаристии благодатное,

свойственное ему действие не обусловлено, само по себе, верой принимающих, потому что хлеб и вино, по освящении пребывают Телом и Кровью Христовыми независимо от веры принимающих, но субъективное действие внешней и объективно существующей благодати таинства вполне обусловлено верой, настроением принимающего; благодать пропадает, остается незамеченной и не существует для приступающего к ней без веры, как звук или произнесенное другим слово не существует для глухого или закрывающего свои уши»⁶⁴.

Таково учение отца Иоанна о таинстве таинств—Святой Евхаристии.

Собственно, это было не только учением: так не только думал великий праведник,—он так чувствовал, он жил этим учением.

Вот о чем пишет свидетель служения отцом Иоанном Божественной литургии:

«Глубокие чувства переживает отец Иоанн в минуты после произнесенных слов литургийного возгласа: «Предложив Духом Твоим Святым». Его великое благоговение к святым Тайнам обнаруживается и в том, что много раз, неспешно, без крестного даже знамения, преклонял главу свою пред ними. Слезы обильно лились из его глаз... О чем плакал этот дивный муж?

Не бывает слез без глубокого душевного волнения. Нет слез без чувства любви и живой мысли. Если бы кому-нибудь удалось, так сказать, анализировать слезу отца Иоанна, то какое бы богатейшее содержание можно было найти в ней! Настроение отца Иоанна так высоко в эти минуты, что невольно передается другим и озаряет в значительной мере настроение всех здесь присутствующих в это время. Мне рассказывали, что некоторые не раз видели над престолом в моменты пресуществления Святых Даров Ангелов. Небожители—как бы сослужили земножителю при совершении

им таинства... Его лицо как бы светилось, как бы издавало какое сияние. Невольно вспоминался при этом нимб, изображаемый на иконах около головы святых угодников. Лица, близко стоящие к нему, говорили, что такая разительная перемена бывает с ним каждый раз, когда он приступает к святым тайнам, ибо в Святых тайнах он почерпал силы для несения того труда, который превyšшает всякие человеческие силы»⁶⁵.

Таким образом, анализируя учение святого праведного Иоанна Кронштадтского о Евхаристии, делая вывод применительно к нашим дням, можно заключить следующее.

«Велия благочестия тайна», воплощение Сына Божия, «тайнство, от века утаенное, и несведомое ангелом», обновляется в литургической жизни христиан ежедневно в евхаристическом священнодействии. Евхаристия была, есть и будет центральным нервом христианской жизни. Все, совершающееся в церковной и храмовой жизни христиан, концентрируется около литургии, связывается с ней, включается в ее состав. Действительно, уже во времена седой древности христианства крещение катихуменов совершалось во время литургии, во дни, особо для того предназначенные, как-то: Пасха, Рождество, Богоявление и некоторые другие. О таких «крещальных литургиях» говорят писатели II и последующих веков. (Святой мученик Иустин Философ, Сильвия Аквитанка и другие). Брак и елеосвящение также включались в состав литургии; венчание совершалось до Евхаристического канона, вероятно, во время литургии оглашенных, приблизительно около времени чтения Апостола и Евангелия, и после молодые причащались Святых Тайн; елеосвящение, претерпевшее столь сложную эволюцию своего чина, также было вставлено в рамки литургии: освящение елея совершалось во время проскомидии, а помазание—после заамвонной молитвы. Мир и теперь

освящается во время литургии, сразу после освящения Даров в день Великого Четверга. Священство неотделимо от литургии. Кроме того, все то, что схоластическая наука почему-то не называет таинством, но что в создании отцов и писателей было и есть таинство, как то: освящение храма, освящение антиминса, богоявленное освящение воды, пострижение в монашество, так или иначе приурочивается ко времени литургии или даже введено в ее состав. Даже и отпевание покойных обычно предваряется заупокойной литургией. Только впоследствии, под влиянием процесса обмирщения жизни и ее расцерковления, эта органическая связь прервалась, и все таинства в создании верующего народа превратились в требы, а некоторые из них стали почитаться просто обрядами, и сама Евхаристия перестала быть духовным насущным хлебом.

У святых отцов и писателей Церкви находим не мало подтверждений сказанному. Так, псевдо-Дионисий («De eccl. hierarch.» 111,1) называет Евхаристию—«тайнством таинств» и считает, что «каждое из иерархических священнодействий, как завершительное бфелзж мЭн пхуб не совершает окончательно приобщения нашего. «Соответствующая схолия святого Максима Исповедника объясняет: «незавершительное означает, что никакое таинство не бывает совершенно без причастия»⁶⁶. Святой Григорий Палама в своем «Исповедании Православной веры» говорит: «...мы любим все церковные предания, записанные и не записанные, и прежде всего таинственное и всесвятое священнодействие, причащение и молитвенное собрание, в котором совершаются и другие священнодействия»⁶⁷. Симеон Солунский учит, что «завершение всякого священнодействия и печать всякого божественного таинства есть священное причащение»⁶⁸.

Кроме того, надо помнить, что природа самой Церкви—евхаристична.

Церковь есть Тело Христово. Евхаристия есть также Тело Христово. Поэтому без Евхаристии нет церковности, нет и не может быть оцерковления жизни. Также и Евхаристия немислима вне Церкви. Вне Церкви можно лишь представлять Сионскую Вечерю, символизировать ее, но не совершать евхаристического жертвоприношения. Вне Церкви она безблагодатна. Евхаристия, как и вообще таинственная жизнь, не может быть без освящающей силы Святого Духа.

Нельзя ограничивать понятие церкви одним только классическим определением катехизиса: «церковь есть общество верующих, объединенных общей верою...», и так далее. Церковь не может быть сведена только к этим канонически-административным рамкам. Числиться в списках прихода и участвовать в приходских собраниях не значит еще само по себе жить в церкви. Нельзя, — вспомним Ю.Ф. Самарина, — только относиться к церкви или числиться в ней, надо в ней (то есть ею) жить. Надо живо, реально, конкретно участвовать в жизни церкви, то есть в жизни мистического Тела Христа. Надо быть живою частью этого Тела. Надо быть участником, то есть причастником этого Тела. Святой Максим Исповедник учил в своем «Тайноводстве»: «Святая Церковь является, как образ Первообраза, совершающею в отношении к нам действия, подобные делам Божиим. Ибо, как ни велико, почти неисчислимо, число мужей, жен и детей, отделяющихся друг от друга и весьма значительно различающихся между собою родом, внешним видом, поколением, языком, равно как и образом занятий, способностями, познаниями, личными достоинствами внешним положением, характером и настроением души, — как ни велико число и как ни разнообразен вид возрождаемых ею и через нее воссоздаваемых и обновляемых духом. Церковь всем равно сообщает и дарует один образ и наименование»⁶⁹. Церковь есть то Тело, глава Коему — Христос.

С наименьшей определенностью учит о нас, как о членах таинственного Тела Христова, один из лучших толкователей нашей литургии, Николай Кавасила (XIV в.). Церковь для него не символически обозначается в таинстве Евхаристии, но, «как в сердце уже заключены члены тела, или в корне дерева его ветви, или в виноградной лозе ее грозди». «Ибо здесь, — говорит он, — не только общность наименования или аналогия сходства, но реальное (прагматическое) тождество». «В действительности, это таинство есть Тело и Кровь Христовы, и для Церкви они суть истинная пища и питье. Церковь, причастная им, не их превращает в человеческое тело, как это случается с обычной пищей, но сама претворяется в них, где высшее (божественное) побеждает тварное. Железо, прикоснувшееся огню, само становится огнем (раскаляется), а не допускает огню превратиться в железо. И, подобно тому, как раскаленное железо не представляется нашему взору железом, но огнем, так как свойства железа, как будто бы, поглощены огнем; точно так же, если бы можно было видеть Христову церковь, поскольку она соединена с Ним и причастна Его плоти, мы не увидели бы ничего иного, кроме Тела Господня». Ссылаясь дальше на 1 Кор. 12, 27, что мы — «Тело Христово, а порознь — члены», это надо понимать не гиперболически, не в переносном смысле, как мы говорим о членах семейства, но совершенно конкретно и реально. «Ибо это значит, что верующие уже теперь живут благодаря этой Крови Христовой жизнью во Христе, подлинно завися от Главы этого Тела, Христа, и облечены этою Плотью Христовой. Таким вот образом Церковь является в таинстве евхаристического причащения»⁷⁰.

Наше мировоззрение должно быть евхаристично, и жить надо в евхаристической настроенности. Церковь приносит в литургии благодарение Господу «о всех благодеяниях, на нас бывших, явленных и неявленных», «о всех и за вся». Священнодействующий иерей приносит

жертву «о своих грехах и о людских не-
вежествах», или, выражаясь словами
молитвы святого Амвросия Миланского,
он —

«приносит Господу скорби людей,
плененных воздыхания, страдания убо-
гих,
нужды путешествующих, немощных
скорби,
старых немощи, рыдания младенцев,
обеты дев, молитвы вдов и сирот уми-
ление...».

Иерей, а с ним и все молитвенное со-
брание и всякий верующий, должен в
Евхаристии сосредоточить всю свою мо-
литвенную жизнь. К евхаристической
Чаше приносится всякая скорбь и вся-
кая радость; они должны растворяться
в Ней. Евхаристия должна обнимать и
освящать всю жизнь христианина, его
творчество, его дела и порывы.

Поэтому литургия и евхаристическая
жизнь не есть и не может быть ограни-
чена подачей записок о здравии и упо-
коении. Евхаристическая жизнь не есть
просто стояние в церкви и присутство-
вание при совершающемся в храме чи-
нопоследовании. Евхаристическая жизнь
не есть слушание церковных песнопений.
Мирянин не присутствует, а актив-
но, молитвенно переживает совершаю-
щуюся литургическую, голгофскую дра-
му, и причащается.

Для христианского церковного созна-
ния богослужение есть живая и жиз-
ненная философия Православия, а не
только обряд. Или, пользуясь словами
св. Иринея Лионского, надо сказать:
«наше учение согласно с Евхаристией,
и Евхаристия, с свою очередь, подтвер-
ждает учение»⁷¹.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Сергиев И.И., протоиерей. Полное со-
брание сочинений, т. 1. С-Пб., 1893. С.
94 Архиепископ Вениамин. Небо на зем-
ле. — М., 1978. С. 9

² Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о

Церкви и православном богослужении.
С-Пб., 1894. С. 8.

³ Цит. по Е.Поселянин. Кронштадтский
пастырь. С-Пб., 1911 С. 14.

⁴ Архиепископ Вениамин. Цит. соч. С.
23.

⁵ Там же. С. 24.

⁷ Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о
Церкви и православном богослужении.
С. 63.

⁸ Сергиев Иоанн Ильич, протоиерей.
Христианская философия. С. 145.

⁹ Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о
Церкви и православном богослужении.
С. 78.

¹⁰ Сергиев И.И., протоиерей. Путь к
Богу. т. 4. С-Пб., 1905. С. 259-260.

¹¹ Там же. С. 256.

¹² Там же.

¹³ Сергиев И.И., протоиерей. Мысли
христианина. С. 174-175.

¹⁴ Сергиев И.И., протоиерей. Христи-
анская философия. С. 150

¹⁵ Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о
Церкви. С. 64.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ И.И. Сергиев, протоиерей. Полн.
собр. соч. С. 53.

¹⁸ Сергиев И.И., протоиерей, мысли о
Церкви. С. 153.

¹⁹ Венок на свежую могилу о. Иоанна.
С-Пб., 1908. С. 55.

²⁰ Сергиев И.И., протоиерей. Путь к
Богу. С-Пб., 1905. С. 257.

²¹ Сергиев И.И., протоиерей. Созерца-
тельное подвижничество. С-Пб., 1909. С.
9.

²² Живой колос. С-Пб. 1910. С. 114.

²³ Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о
Церкви и Православном богослужении.
С. 74.

²⁴ Сергиев И.И., протоиерей, мысли
христианина. С. 183.

²⁵ Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о
Церкви и Православном богослужении.
С. 74.

²⁶ Сергиев И.И., протоиерей. Правда о
Боге, мире и человеке. С-Пб., 1900. С.
72.

²⁷ Сергиев И.И., протоиерей. Христи-
анская философия. С. 150.

²⁸ Сергиев И.И., протоиерей. Правда о

Боге, мире и человеке. С. 72.

²⁹Сергиев И.И., протоиерей. Путь к Богу. С. 84.

³⁰Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. С. 77.

³¹Там же. С. 77.

³²Созерцательное подвижничество. С. 9.

³³Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. - С. 183.

³⁴Сергиев И.И., протоиерей. Путь к Богу. - С. 177.

³⁵Венок на свежую могилу о. Иоанна Кронштадтского. С. 53.

³⁶Сергиев И.И., протоиерей, мысли христианина. С. 176.

³⁷Сергиев И.И., протоиерей. Полн. собр. соч. 2 изд. С-Пб., 1894. С. 89.

³⁸Венок на свежую могилу о. Иоанна Кронштадтского. С. 11-15.

³⁹Сергиев И.И., протоиерей. Полн. собр. соч. т. 1. изд. 2. С-Пб., 1893. С. 349.

⁴⁰Там же, т. 1. - изд. 1. Кронштадт, 1902. С. 147.

⁴¹Там же. С-Пб., 1906. С. 113.

⁴²Сергиев И.К., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. С. 98.

⁴³Сергиев И.И., протоиерей. Полн. собр. соч. т. 3. С-Пб., 1894. С. 114.

⁴⁴Там же.

⁴⁵Там же. С. 115.

⁴⁶Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. С. 100

⁴⁷Там же. С. 101.

⁴⁸Там же. изд. 1. Кронштадт, 1902. С. 148.

⁴⁹Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. С. 75.

⁵⁰Сергиев И.И., протоиерей. Правда о Боге, мире и человеке. С. 18.

⁵¹Сергиев И.И., протоиерей. Поли. собр. соч. т. 2. изд. 2. С-Пб. 1894. С. 69-72.

⁵²Сергиев И.И., протоиерей. Путь к Богу. С. 83.

⁵³Сергиев И.И., протоиерей, мысли о

Церкви и Православном богослужении. С. 74.

⁵⁴Сергиев И.И., протоиерей. Полный годичный круг поучений. С-Пб., 1902. С. 459.

⁵⁵Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. С. 77.

⁵⁶Сергиев И.И., протоиерей. Поли. собр. соч. С. 74.

⁵⁷Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви. С. 129.

⁵⁸Сергиев И.И., протоиерей. Полн. собр. соч. С. 74.

⁵⁹Сергиев И.И., протоиерей. Мысли христианина. С. 179.

⁶⁰Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. С. 136.

⁶¹Там же. С. 137.

⁶²Сергиев И. И., протоиерей. Христианская философия. С. 145.

⁶³Сергиев И.И., протоиерей. Мысли о Церкви и Православном богослужении. С. 136.

⁶⁴Там же. С. 137.

⁶⁵Вениамин (Федченков), архиепископ. Небо на Земле. Св.-Ильинское изд., 1978. С. 60.

⁶⁶Там же.

⁶⁷MPGr. t. 4, col. 13 6 A.

⁶⁸M.P.Gr. t. 150, col. 766 D. 767 A.

⁶⁹M.P.Gr.t. 155.col.512D.

⁷⁰M.P.Gr. t. 91, col. 665 C 668 B.

⁷¹M.P.Gr. t. 150, col. 452 C 453 A.